

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора филологических наук
Коржовой Инессы Николаевны
на тему: «Поэзия К. М. Симонова как художественная система»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов
Российской Федерации»

Работа И.Н. Коржовой посвящена актуальной теме – исследованию поэтического творчества видного русского писателя советской эпохи К.М. Симонова в его связи как с русской культурой дореволюционной эпохи в лице поэтов Серебряного века, так и с современной ему советской поэзией, а также с событиями эпохи, главным из которых для Симонова стала Великая Отечественная война.

Новизна исследования заключается в том, что впервые поэзия Симонова исследуется как система и как единое целое. Практически диссертация И.Н. Коржовой является первым серьезным монографическим исследованием поэтического творчества Симонова и создает солидный задел для будущих исследователей, а также показывает нам Симонова как действительно оригинального поэта, каковым он ранее часто не воспринимался.

Вполне оправданным представляется построение исследования по принципу от общего к оригинальному. Глава 1, посвященная литературным влияниям, начинается с анализа влияний на ранние стихотворения Симонова произведений Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Затем рассматриваются более поздние влияния Редьярда Киплинга и Николая Гумилеву, а также советской неоромантической поэзии 20-30-х годов XX века в лице, прежде всего, Эдуарда Багрицкого, Николая Тихонова и

Владимира Луговского. Далее речь идет об освоении поэтики Бориса Пастернака уже в зрелых симоновских стихах и об отражении традиций Александра Блока и Николая Гумилева в одном из вершинных произведений Симонова – цикле стихотворений «С тобой и без тебя», который подробно разбирается в главе 4. Также как носитель самостоятельной поэтики рассматривается симоновский цикл «Из дневника». И, наконец, исследуется влияние Маяковского на зрелое творчество Симонова в сочетании с ролью Константина Михайловича в увековечивании памяти Маяковского, начиная со второй половины 50-х годов XX века.

Несомненной заслугой диссертантки является введение в научный оборот прежде не публиковавшихся ранних и поздних стихотворений Симонова, рукописи которых хранятся в его фонде в РГАЛИ.

После анализа влияний вполне логично идет центральная для всего исследования глава 2 о мифопоэтике как основе художественного мира Симонова, с разбором наиболее важных для поэта мотивов, причем рассматриваются такие значимые для поэта категории как «смерть – воскресение», «Дом – дорога – война» и «дружба». Также рассматривается роль биполярных оппозиций в поэтическом творчестве Симонова.

В главе 3 определяются стилевые доминанты поэзии Симонова в виде антиномий, внимания к деталям, лексических и синтаксически упорядоченных повторов и использования омонимической и тавтологической рифм. В главе 4, завершающей исследование, рассматриваются симоновские принципы циклизации, т. е. авторского объединения стихотворений в тематические циклы – наибольшие структурные единицы поэтического творчества единицы на примере циклов на примере неопубликованной книги «Стихи. 1935 г.», цикла «С тобой и без тебя» в редакциях 1942 и 1966 гг. и цикла «Вьетнам, зима семидесятого». Новаторским и обоснованным выглядит вывод о том, что цикл «Вьетнам, зима семидесятого» поднимается до уровня симоновской лирики периода

Великой Отечественной войны: «Новое соприкосновение с войной, войной во Вьетнаме, активизировало не аналитическое чувство эпика, а, помноженное на силу воспоминаний, отозвалось кровной болью, заставило соотнести сегодняшний Вьетнам с нашим военным прошлым». (Т. 2. С. 138)

Этот цикл организует не сюжет, а «сложные формы утверждения и расширения субъективности». (Т. 1. С. 41)

Следует отметить, что диссертант умеет о сложных вещах говорить простым языком. Поэтому диссертация оказывается доступна для достаточно широкого круга читателей – от преподавателей и научных работников до студентов и учащихся старших классов. Она может быть использована учителями при преподавании поэзии К.М. Симонова в средней школе, а также при преподавании истории русской литературы советского периода на филологических факультетах вузов, в первую очередь в курсах, посвященных поэзии.

Представляется верным то, что диссертант видит «основу системности творчества в фигуре автора, в его подчас неосознанных, но преимущественно все же целенаправленных интенциях» (Т. 1. С. 49) Таким образом, И.Н. Коржова старается выделить в исследуемом материале структуры, относящиеся к интенциям исследуемого автора, а не исследователя. Хотя здесь есть и сознательное исключение. Анализируя симоновский цикл «Вьетнам, зима семидесятого», диссертант приходит к выводу, что «Для складывания единой системы мотивов чрезвычайно показательны, что герои стихотворения «Дежурка», вьетнамские летчики, показаны на земле, в их фронтовом быту. А единственный индивидуализированный образ противника – совершивший авиаудар американский летчик. Эту же систему оппозиций поддерживает сравнение в стихотворении «Над Лаосом». Хотя здесь совершают перелет и сам герой, и его попутчики – американские призывники, но небо по-прежнему является враждебным пространством. Поэтому хиппи, жгущие повестки на площади в Ханое, сравниваются с

парашютистами, готовящимися покинуть самолет. <...> Финальная метафора цикла тоже связана с небом: «Прожектор, по памяти шарящий, / Как будто мне хочет помочь – / Рифмует “товарищ” с “пожарищем” / Всю эту бессонную ночь...» Память, безусловно, не относится к образам враждебным, но она связана с тревожащим опытом, с некоторыми скрытыми, возможно даже пугающими закономерностями. Думается, что указанная система пространственных противопоставлений не была осознана Симоновым, тем важнее ее последовательное проведение в цикле». (Т. 2. С. 150) Здесь небо, вопреки многовековой поэтической традиции, оказывается враждебным человеку.

Можно вполне согласиться с выводом диссертанта о том, что «Специфика литературного произведения как системы определяется возможностью выделения «пунктирных» элементов, которые не создают сплошной сетки, покрывающей произведение, но тем не менее образуют системные связи – это прежде всего мотив». (Т. 1. С. 8)

Представляется важным и оригинальным также вывод о том, что «Одной из важнейших черт поэзии Симонова, продуктивных для дальнейшего развития поэзии, является сохранение лирического героя как категории лирики и интерес к индивидуальному, психологически окрашенному факту». (Т. 1. С. 187)

Вполне убедительным является предположение диссертанта о том, что претекстом для тех стихотворений Симонова, где присутствует мотив преломления хлеба как символ дружбы, послужило стихотворение Александра Прокофьева «Товарищ» (1929), посвященное событиям гражданской войны и впоследствии ставшее песней, с ее рефреном «Мы старую дружбу ломаем, как хлеб! / И ветер – лавиной, и песня – лавиной... / Тебе – половина, и мне – половина!». (Т. 1. С. 249) Кстати сказать, это, наверное, единственное стихотворение, с которым А.А. Прокофьев вошел в историю поэзии.

Интересным и важным для понимания поэтики Симонова представляется вывод о том, что «в двух самых острых вопросах – восприятии любви и смерти – Симонов не только использует образность, но и перенимает черты архаического мировосприятия (не просто мышление бинарными оппозициями, но наделение одного из полюсов чертами положительного, обретение реальностью черт подлинности только в свете сакрального)». (Т. 1. С. 259-260)

Можно вполне согласиться с заключением диссертанта о том, что «Установка на рациональность: уяснение и разъяснение – господствует в стихах Симонова над импрессионистичностью. Стремлению к непосредственной передаче эмоций он предпочитает их анализ. Ярким способом поставить в центр внимания ключевые категории становится повтор, определивший в симоновской поэзии особенности не только лексического уровня, но и синтаксиса и рифмы». (Т. 2. С. 97)

Оригинальным и плодотворным представляется вывод о том, что пейзаж, подобный тому, что дан в стихотворении Симонова «Родина», и вообще характерный для советской поэзии в годы Великой Отечественной войны, «выдвигал в качестве истоков чувства Родины мирные картины. Но поколение вьетнамцев таких воспоминаний было лишено. Поэт посредством аллюзии стремится пробудить сознание людей, которые забыли, что мирные картины знакомы не всем. И даже тем, кто помнит страшные годы войны, требуется усилие, чтобы представить себе реальность войны затянувшейся: «Здесь, в этой стране, / где непомнящих – нет, / Попробуем *это* представить...»». (Т. 2. С. 149)

Вполне оправданным является вывод о том, что «система поэзии Симонова, даже обретя зрелость, осталась неравновесной, постоянно колеблющейся в аспекте оценок линейного и циклического времени, значимости пространства дома и войны, выбора между волевым самоограничением и стихийностью чувств, духовным и телесным началом

любви. Подобную внутреннюю напряженность, являющуюся результатом неравновесности, мы считаем определяющей для художественной системы Симонова». (Т. 2. С. 152)

В диссертации справедливо отмечается, что «После 1954 г. Симонов отходит от поэтического творчества» (Т.2. С. 101), хотя при этом достаточно подробно анализируется позднее поэтическое творчество Симонова, в том числе на примере стихов, впервые вводимых в научный оборот. Здесь стоит вспомнить, что в 1964 г. Симонов писал в предисловии к выходящему в Болгарии сборнику своих стихов: «Мне немножко неловко перед моими болгарскими читателями, что последние из включенных в эту книгу стихов имеют десятилетнюю давность, но, к сожалению, те стихи, что я от времени до времени писал после этого, кажутся мне хуже тех стихов, что я писал раньше, и, может быть, в этом причина того, что я почти не пишу больше стихов. Не стоит насиловать себя, когда не получается. И лучше начать догадываться об этом самому раньше, чем об этом начнут догадываться твои читатели». (Цит. по: Лазарев Л.И. Поэзия Константина Симонова // Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. Л.: Сов. Писатель, 1982. С. 5.)

Думается, что многолетняя пауза в поэтическом творчестве Симонова была связана с разными этапами в освещении им темы Великой Отечественной войны. Сначала он осваивал военную тему в своей поэзии, затем перешел к эпической художественной прозе, а завершил документальной прозой и кинематографией.

Неожиданным и новаторским является вывод диссертанта о том, что «Новый взлет, возможно недооцененный им самим, происходит в последнее десятилетие жизни, когда Симонов, перестав ощущать себя поэтом, освобождает свое поэтическое творчество от требований общезначимости, актуальности (как их понимал он сам) и приходит к медитативной лирике и форме философских афоризмов». (Т. 2. С. 152-153)

Автореферат и публикации отражают основные положения диссертационного исследования.

В диссертации И.Н. Коржовой имеется ряд дискуссионных мест. Наши замечания и предложения направлены на возможные дополнения диссертации в процессе подготовки основанной на ней монографии. В диссертации пятистопный анапест в творчестве Симонова связывается с творчеством Бориса Пастернака. (Т. 1. С. 131). Как представляется, здесь можно также предположить влияние стихотворение Осипа Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» Симонов, как отмечено в диссертации, «из акмеистов любил Мандельштама» (так он писал в автобиографии) (Т. 1. С. 75). Кроме того, у Мандельштама в финале стихотворения возникает образ Одиссея: «/ И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный». А в диссертации И.Н. Коржовой убедительно доказано, что многие симоновские персонажи «восходят к одному из вечных образов – Одиссею, не закончившему свои странствия в Итаке и снова отправившемуся в море». (Т. 1. С. 69)

В диссертации справедливо отмечается, что «знаменитая «Баллада о гвоздях», хотя часто воспринималась как гимн новым советским людям, говорит о подчинении приказу без размышления о справедливости войны». И далее говорится, что «По мнению В. Бетаки баллада воссоздает подвиг офицеров русской царской армии, Н.Л. Лейдерман предполагает, что основой сюжета стала гибель британской эскадры у Фолклендских островов». (Т. 1. С. 115-116) На наш взгляд, реальным источником для «Баллады о гвоздях», как убедительно доказал пользователь Живого журнала под ником strannik17 (по всей видимости, Николай Валентинович Кофырин) (См.: strannik17. Баллада о гвоздях. Часть 1. Десятилетия под спудом ложных версий, 2015, 2 июля, <https://strannik17.livejournal.com/11069.html>; strannik17. Баллада о гвоздях. Часть 2, 2015, 15 августа,

<https://strannik17.livejournal.com/11333.html>), посвящена подвигу британских моряков, совершивших рейд на торпедных катерах на советский Кронштадт в ночь с 17 на 18 августа 1919 года. В результате была потоплена база подводных лодок «Память Азова» и тяжело повреждены линкор «Андрей Первозванный» и несколько вспомогательных судов, причем почти все участники этой считавшейся с самого начала самоубийственной атаки погибли или попали в плен. Тихонов в это время находился в рядах белой Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, союзником которой являлся британский флот.

В диссертации утверждается, что «Для ряда поэтов повторы и анафоры не характерны вовсе: это Н. Тихонов, М. Светлов, В. Луговской». (Т. 2. С. 80). Как представляется, относительно Николая Тихонова это утверждение не вполне справедливо. В религиозных стихах Тихонова, опубликованных в 1918 году в журнале «Нива», и в опубликованной тогда же и там же его повести «Старатели» лексические повторы играют заметную роль. Что еще важнее, в «Поэтическом словаре» (М.: Сов. Энциклопедия, 1966. С. 36-37) А.А. Квятковского в качестве примера строфико-синтаксической анафоры приведено стихотворение Тихонова «Пока не жаждет пулемет...» В собрании сочинений Тихонова я этого стихотворения не нашел. Однако «Поэтический словарь» был опубликован в 1966 году, еще при жизни Тихонова, и не приходится сомневаться в принадлежности Тихонову данного стихотворения.

В диссертации симоновская баллада «Срочный пакет» упоминается в параграфе о влиянии Киплинга. (Т. 1. С. 78). На наш взгляд, здесь стоило бы упомянуть, что «Срочный пакет» написан под влиянием «Баллады о синем пакете» Н.С. Тихонова, через которую и проявляется влияние Киплинга. Далее, в параграфе о неоромантизме, подробно говорится о влиянии «Баллады о синем пакете» на «Срочный пакет» (Т. 1. С. 117), но, как

представляется, первый раз о тихоновской балладе стоило бы упомянуть в параграфе о Киплинге.

Симоновское стихотворение «Кукла» (1939) о боях на Халхин-Голе, судя по всему, послужило одним из источников одноименного стихотворения Тихонова, написанного в 1940 году и опубликованного в 1945 году. Оно было посвящено финской войне. Симоновская «Кукла» была опубликована в журнале «Знамя» в феврале 1940 года, перед самым концом финской войны. Как справедливо указывает И.Н. Коржова, у Симонова «моральное поражение врагов проявляется в том, что они готовы бросить и предать не только женщин, но и их образы (фотографии и куклу)» (Т. 2. С. 35). Точно так же у Тихонова кукла в этническом наряде становится символом отступления врагов, только не японцев, а финнов. Но здесь речь идет не беспорядочном, а, наоборот, о плановом отступлении и не о поражении, так стихотворение описывает начало «финского похода», когда поражения терпели советские войска. У Тихонова кукла не брошена в ходе спешного отступления, а «/ На снежной подушке сидела она / Подобно игрушке из детского сна. / Вокруг не отыщешь за деньги жилье, / Какая рука посадила ее?»

Как представляется, второе стихотворение цикла 1954 года «Три стихотворения», из которого в диссертации цитируется вторая строфа («Четверо, не верящие в бога», и т. д.) (Т. 1. С. 196), написано Симоновым под влиянием известного стихотворения Михаила Светлова «Песня» (1931) («/Ночь стоит у взорванного моста, /Конница запуталась во мгле... /Парень, презирающий удобства, /Умирает на сырой земле», и т. д.) Здесь совпадают стихотворный размер, мотивы шинели, Москвы, кроме того, смерть товарища у Симонова сравнивается со смертью от пули, и именно так умирает герой Светлова.

Возможно, стоило бы рассмотреть оценку поэзии и личности К.М. Симонова в романе А.И. Солженицына «В круге первом», где Симонов

является очевидным прототипом одного из героев – писателя и военного корреспондента Николая Галахова. Фамилия Галахов здесь указывает на «галаху» - свод ортодоксального иудейского права, что намекает на ортодоксальность Симонова-марксиста, и на «галаха» - странствующего раввина-проповедника в южнорусских говорах, что указывает на страсть Симонова к путешествиям. Хотя Солженицын был идеологическим противником Симонова, в романе Галахов изображен не одними только черными красками.

В диссертации немало внимания уделено значению бинарных оппозиций в поэзии Симонова и показана их плодотворная роль для его творчества. Так, в 3-м параграфе 2-й главы «Система бинарных оппозиций в любовной лирике К.М. Симонова» сделан правильный вывод о том, что у Симонова «При устойчивости мотивов двойственности человека, продуцирующих размышления о разных началах в любви, ценностный выбор героя неочевиден. Он то предпочитает земную страсть, то воспекает духовную связь, то мечтает о гармоничном соединении этих начал». (Т. 1. С. 243). На наш взгляд, стоило бы также проанализировать поэзию Симонова с точки зрения троичности. Для этого можно использовать развернутую характеристику троичности в работе П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины». Судя по одним даже заголовкам стихотворений, троичный архетип встречается у Симонова достаточно часто.

В диссертации упоминается симоновское стихотворение «Разведка», посвященное «погибшим космонавтам Волкову и Пацаеву». (Т. 1. С. 200). На самом деле это стихотворение посвящено космонавтам Г.Т. Добровольскому, В.Н. Волкову и В.И. Пацаеву, экипажу космического корабля «Союз-11», трагически погибшему 29 июня 1971 г.

Возможно, в цитате из рукописи: «И горький ветер не разгонит, / Как ветер, горькую любовь». (Т. 2. С. 110) по смыслу надо читать: «И горький вечер не разгонит, / Как ветер, горькую любовь».

Стихотворение Симонова называется «Над Лаосом», а не «Над Лаоссом». (Т. 2. С. 150)

Вместе с тем, указанные замечания и дискуссионные места не умаляют значимости диссертационного исследования и его чрезвычайно высокой оценки. Перед нами серьезное и оригинальное научное исследование, выполненное на высоком уровне. Диссертация И.Н. Коржовой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Инесса Николаевна Коржова заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Член Международного совета научных проектов и издательских программ

АНО Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»

СОКОЛОВ Борис Вадимович

Подпись

Дата подписания:

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.01– Русская литература

Адрес места работы:

107207, Москва, Чусовская ул., д.11, к. 7, кв. 35

АНО Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»

Тел.: рабочий телефон: 8-916-394-10-52, e-mail: адрес официальной почты:
bordjugov@airo-xxi.ru